

Андрей Кивинов

Три дня без любви

Андрей Кивинов
Три дня без любви

«Автор»

2010

Кивинов А. В.

Три дня без любви / А. В. Кивинов — «Автор», 2010

Вадик Исаев, придя с работы пораньше, застаёт жену с другим мужчиной. Его друг Никита предлагает тоже изменить жене, чтобы быть в равных позициях. И тут начинается самое интересное... Баня, травмпункт, массажистка Сандра, милиция, клуб рабочей молодёжи и под занавес встреча с тестем и его наградным «макаровым»... Три дня без жены полностью меняют мировоззрение Вадика.

© Кивинов А. В., 2010

© Автор, 2010

Андрей Кивинов

Три дня без любви

Посвящается каждому третьему.

Автор не всегда разделяет точку зрения героя и не несет никакой ответственности за некоторые из его поступков.

Все хорошее заканчивается до обидного быстро.

А прекрасное еще быстрее.

В том числе крепкий безакцизный алкоголь, хотя, казалось бы, он неисчерпаем. Да, неисчерпаем, но где-то там, за порогом конкретной жилплощади. А в двухкомнатной квартире на южной окраине Санкт-Петербурга он уже безвозвратно растворился в крови двух находящихся здесь молодых людей. Конечно, можно было бы сгонять в ближайший гастроном за дополнительной порцией, но... Алкоголь не спасал. Наоборот. Действовал так, будто свежую рваную рану поливали соляной кислотой и посыпали солью мелкого помола.

Рана была у гостя. Вадика. Типичного представителя офисного поколения с ярко выраженной сутулостью. Совершенно не приспособленного к употреблению большого количества водки. Уже дважды за вечер он соскальзывал с кухонного табурета, и другу по школьной скамье Никите приходилось прилагать серьезные физические усилия, чтобы водрузить его на место. Сам Никита представлял собой полную противоположность другу – круглолицый бодрячок, у которого живот начинался сразу от короткой шеи, минуя грудь, а щеки были видны со стороны спины даже в густой питерский туман. Коварная наследственность, а не беспечные просчеты в питании. Лысина, оккупировавшая к двадцати восьми годкам голову, словно Гитлер Европу, тоже досталась от папеньки. Но Никита не комплексовал по этому поводу, в шутку заявляя, что главное в человеке не внешняя оболочка, а скрытые пороки. Женат он не был, жил с матушкой-одиночкой, предпочитая семейному очагу случайные нелегальные связи. Упомянутый папенька присутствовал только в архивном семейном альбоме на первых страницах. Потом, как водится, поехал покорять Арктику. Иными словами, свалил насовсем.

Вадика ранило тяжело. Прямое попадание в голову и сердце. В голову попал кулак, а в сердце... Как человек впечатлительный, он получил нервную контузию пятой степени по четырехбалльной шкале. Водочная анестезия не помогала, как они не старались.

Никита настойчиво успокаивал одноклассника, но лишь вхолостую тратил словарный запас.

– Постой? А ты ее подозревал? Может, уже были тревожные звоночки? Не бывает такого ни с того ни с сего... А вдруг ты что-то не так понял? Не разобрался сгоряча?

– Ага... Заказное изнасилование... Там и слепой бы понял. И даже слепоглухонемой.

– Ладно... Ну и что? С кем не случается? Фигня полная. Не принимай близко к сердцу – оно единственное, а женщин много. Ищи плюсы. По сравнению с жертвами вчерашнего землетрясения в Японии ты в полном шоколаде.

– Спасибо, Никита, но я, наверное, предпочел бы землетрясение в Японии, – тихо ответил Вадик и в третий раз загремел с табурета.

И неудивительно. Сохранить равновесие в данной ситуации мог, наверное, только человек высоких морально-волевых качеств. А качества Вадика не были столь высоки. Говоря по-японски – размазня-сан. И как любой размазня-сан он не спешил признаваться в этом себе.

Упомянутая ситуация, к слову сказать, с первобытных времен служила человечеству одной из популярнейших тем для детских анекдотов. Классика жанра. Обычно анекдот начинался фразой «Вернулся муж из командировки». Реже встречались варианты. У Вадика случился вариант. Он не вернулся из командировки, в смысле – он не ездил ни в какую

командировку. Как обычно, потел в питерском филиале столичного банка, помогая безграмотному населению разбираться с пластиковыми карточками. Сидел, скрючившись, в кабинке-пенале, где не поместился бы и пятилитровый аквариум, и отвечал клиентам на различные идиотские вопросы, типа «Что делать, если назвал пин-код случайному знакомому и дал ему поносить кредитку?» или «А много ли наличности загружается в банкомат и сколько он весит?» В общем, суровая мужская работа, сопряженная с героизмом. Ибо клиент попадался все больше туповатый, но агрессивный, и норовил оскорбить невинного клерка словом и действием.

Но сегодня проявить героизм до означенного на табличке «Время работы» часа не сложилось. Примерно в начале седьмого банковский компьютер плотно завис по причине вирусной атаки хакера-смертника, и руководство учреждения позволило персоналу отбыть на пару часов пораньше. Сделать, так сказать, сюрприз домашним.

Вадика же самого ждал сюрприз. Не сказать, что приятный. Единственная жена, Валерия Ивановна, в простонародье Лерка, согласно официальным данным, должна была находиться на работе – в салоне красоты «Фантазерка», где занимала должность администратора и по совместительству массажиста. Единственный сын Алешка две недели назад отбыл к бабушке и дедушке в деревню на весь летний сезон. А, следовательно, дверь должна быть закрыта на оба замка. Он уходил сегодня последним и доподлинно это знал. А сейчас заперта только на верхний. У Вадика мелькнула тревожная мысль – не воры ли забрались в двухкомнатное семейное гнездо, купленное по ипотеке вскладчину с супругой? И не стоит ли позвать на помощь сознательных соседей, службу спасения и, наконец, милицию?

Вадик как можно тише повернул ключ в замке, аккуратно толкнул дверь. Та подло и громко заскрипела, и скрип был похож на эвук сирены. Петли новые, еще не притерлись, а смазать лень. В прихожей близорукий клерковский глаз ничего подозрительного не отсканировал, но острый нюх уловил инородный тошнотворный запах, шедший откуда-то снизу. Включил бра, нагнулся, увидел. Посторонние мужские туфли минимум сорок четвертого размера. Жизненный опыт подсказал, что сами туфли придти сюда не могли.

Пока он анализировал, кому может принадлежать дурно пахнущая обувь, дверь спальни распахнулась, и по коридору напрямиком в ванну прошмыгнула Лерка, на ходу повязывая пояс от халатика. Именно прошмыгнула, словно застуканный на месте преступления воришка. То, что под халатиком нет ничего, кроме обнаженной плоти, Вадик мог бы засвидетельствовать в любом суде.

Не разуваясь, он решительно проследовал в спальню, за порогом которой его боевой запал куда-то резко улетучился. Да, пожалуй, специальные службы сейчас не помешали бы. Хотя бы какой-нибудь захудалый участковый. Ибо хозяин потных туфель отличался не только размером ноги, но и шириной торса. Просто натуральный спартаец, только что из фитнес-центра. Бицепсы, трицепсы, двуглавая мышца – все на месте и нужного объема. Хоть Церетели вызывай – стацию лепить. На бедрах махровое полотенце с изображением русалки – подарок Вадика подлой Лерке на минувший Новый год. Из других предметов гардероба только тапочки с эмблемой «Зенита» – ответный презент жены под ту же елочку.

Самое обидное, что спартаец был совершенно спокоен, словно инквизитор, только что отправивший на костер десяток-другой еретиков. Улыбаясь, неспешно стал натягивать полосатую майку, затем влез в трусы-боксеры. Хотя с такой фактурой – чего переживать? Это Вадика переживать надо с его сколиозом и близорукостью.

Последний не стал задавать наводящих вопросов типа «А что это вы тут делаете?» Иначе выглядел бы в глазах окружающих не просто рогатым, но еще и дураком. Картина не допускала никаких иных трактовок, хотя вернувшаяся из ванной Валерия и пыталась выдвинуть версию, что это клиент из салона. Пришел на массаж. Мол, возникла накладка, двоих записали на одно время, пришлось взять работу на дом.

Ага, охотно верю. Плохо, что не предупредила, зачем-то устроила забег спальня – ванная. И, вообще, стоит тут в одном халатике на голое тело. Так, наверное, массировать удобнее.

Вадик, в отличие от спартанца, откровенно растерялся. Может, у этого богатыря таких ситуаций по десятку на неделе, а у него – первая в жизни. С почином! И как вести себя, он совершенно не представлял. Оскорбленное самолюбие советовало броситься в атаку и смыть позор кровью, но инстинкт самосохранения не рекомендовал торопиться. Соперник явно превосходил его в весе и наверняка в технике. В их банке не существовало специальных курсов по боевой подготовке, только производственная гимнастика с платным инструктором, которую Вадик игнорировал по причине дефицита семейного бюджета. Затевать же разговоры с гостем еще нелепей. О чем с ним разговаривать? О падающем курсе рубля? Или о процентах по кредиту?

Пауза затягивалась. Наверное, девяносто девять мужиков из ста уже бросились бы в бой. Но Вадик, воспитанный на принципах полного пацифизма и невмешательства, оказался сотым. Спартанец уже полностью оделся, поправил прическу, а он так и стоял, словно рога не позволяли пройти в дверной проем. Когда же незваный гость подмигнул и бросил комплимент «А она ничего, умеет», он как-то неуверенно, будто для «галочки» поднял руку, сжав пальцы в кулак. Нет, бить он не собирался, он никогда не бил людей по лицу и телу, но что-то предпринять был просто обязан. Хотя бы просто поднять руку.

Но спартанец трактовал этот жест по-своему. По-мужски. Видимо, он-то раньше бил людей. И спортивную форму поддерживал старательно.

Упреждающий удар вышел на загляденье хорошим. Практически без замаха. Но и этого вполне хватило, чтобы Вадик оказался у подножья тахты, на которой, судя по всему, и проходил сеанс массажа. Похоже, кулак у спартанца был со смещенным центром тяжести. Ударил в нос, а аукнулось в районе правой почки. Мало того, придя в себя, униженный муж не сразу вспомнил, что, собственно, случилось. А лишь спустя минуты три, по второму разу оценив обстановку и напрягши память.

Клиент к тому времени уже ушел, оставив после себя кислый запах пота. Лерка хлопотала возле супруга, прикладывая к его носу пакетик со льдом и доказывая, что она чиста и неподсудна.

Но супруг был не из тех, кого можно успокоить льдом. С третьей попытки он поднялся, оттолкнул Лерку, швырнул в форточку лед и, поглаживая ушибленную почку, вернулся в прихожую. Не сказав ни слова, вышел на площадку, шарахнув дверь. Посчитав, что шарахнул недостаточно громко, вернулся и шарахнул еще раз. Тем самым дав понять, что ноги его здесь больше не будет. Подлая изменница не бросилась за ним вдогонку, вымаливая прощение, что косвенно указывало на ее вину.

Спустившись, прошел мимо возмущенного пенсионера, которому какие-то подонки сбросили лед на лысину, посмотрел на окна. И никого в них не увидел.

Можно было отправиться к маме, но Вадик предпочел друга Никиту, жившего в соседнем районе. Ибо друг способен утешить так, как никогда не утешит мать. Он не станет оповещать всех близких и дальних родственников, давая повод для сплетен.

Разумеется, Никите он представил произошедшее в более героическом свете.

– Я б его догнал, если б не Лерка... Но глаз я ему, козлу, подбил.

Никита, выслушав друга, понял, что нельзя терять ни минуты.

– Сиди, я сейчас.

Быстрым соколом долетел до магазина «Аленка», называемого в народе «Паленка», и вернулся, неся под крыльями две северокавказские поллитровки без акцизных марок. Но Вадику было не до качества спирта. Выпил бы и керосина.

Увы, как уже говорилось, водка, даже дешевая, не оказала нужного терапевтического воздействия. Никита терял одноклассника. И нужно было принимать экстренные меры. Успо-

коительные речи, что, по данным Минсоцразвития и канала НТВ, каждый третий мужчина в нашей стране рогоносец, не спасали, а, наоборот, усугубляли положение. Он в очередной раз поднял товарища с пола, закинул его руку на свое плечо и перетащил в спальню, словно боец раненого командира. Уложил на диван и зафиксировал тело пружинами от эспандера. На всякий случай. Чтобы тело сдуру не решило избавиться от души. Ситуация, в общем-то, атипичная, нужно подстраховаться.

Мобильник Вадика надрывался стареньким хитом Корнелюка «Милый, мне очень грустно было», а на дисплее высвечивалась буква, вернее слово «Я». Понятно, кто скрывался под этой литерой. Вряд ли у скромного и верного Вадима имелась другая «Я». На звонки Никита не отвечал. Что бы он сказал? Влезать в отношения супругов, все равно что боксировать против братьев Кличко одновременно. Получишь с обеих сторон, и, что самое обидное, совершенно незаслуженно.

Покричав немного: «Я ей этого никогда не прощу!», Вадик наконец забылся тревожным сном человека, которого утром ждали виселица, стул и несмазанная мылом веревка.

Через час из школы вернулась мать Никиты. В школе она не училась, а преподавала во вторую смену литературу. То есть была женщиной строгих классических нравов. Поэтому Никита не стал объяснять ей истинные причины сегодняшнего пьянства. «Извините, мама, собрались почитать Данте вслух и нечаянно ужрались, как сволочи». Мама, конечно, огорчилась, ибо видеть в таком состоянии лучшего друга сына, да и самого сына ей не доводилось. Но, как воспитанная женщина, вида не подала, лишь пригрозила, что, если это повторится, она напишет в дневник замечание.

Никита кивнул и прилег на пол возле дверей своей комнаты, аки верный страж. Если кто-то попытается покуситься на честь или жизнь друга, он этого не допустит. Через его живот ни одна сволочь не перешагнет незаметно.

К слову, чтобы содержать такую утробу в надлежащем виде, Никите нужна была надлежащая финансовая поддержка. Но пока она не полностью обеспечивала запросы организма. Трудился Никитушка игроком на бирже, если это занятие можно назвать трудом. По крайней мере, по специальности – в секретере пылился диплом финансово-экономического техникума. В основном проигрывал, но в редкие дни удачи мог позволить ужин в хорошем кабаке. Главное, он был предоставлен самому себе и страшно гордился тем, что не надо, как заведенному, каждое утро приползать в какой-нибудь офис или вставать к станку. А потом полдня зевать, пытаясь справиться с вечным недосыпом. Вон, тому же Вадика завтра к девяти в банк. И не важно, жена тебе изменила или ты жене. Будь любезен явиться в срок и отправлять службу. Помимо биржевой игры, Никита пробовал поймать удачу во всяких лотереях типа «Найди код под крышечкой и выиграй „мерседес“». И как человек, любящий халяву, отдавался этому увлечению самозабвенно, можно даже сказать, фанатично и без остатка. Пиво, чипсы, шампуни, йогурты, туалетная бумага и даже матушкин крем от морщин – все шло в дело, лишь бы под крышечкой имелся заветный код. Вырезал, отправлял, мечтал... Пока ничего не выиграл, но в победу верил.

Женат он никогда не был, хотя в техникуме домогался сокурсницу с самыми серьезными намерениями. И даже потратил на это изрядное количество времени и финансов. Но безуспешно – сокурсница выбрала другого, который, кстати, никаких усилий не прикладывал. Никита перенес поражение стойко, напившись всего пару-тройку раз. После чего заявил в прессе, что плевать он хотел на баб с высокой колокольни. И никаких отношений, кроме половых, с ними у него никогда не будет. В доказательство своих слов он совершил вечерний пьяный прыжок с Биржевого моста в Неву прямо в одежде и ботинках. Слава богу, приводился на задницу, которая могла вынести любую нагрузку. Доплыл до пришвартованной к берегу платформы, переоборудованной под плавучий открытый ресторан, где гуляло великосветское общество. Самостоятельно вскарабкался на нее из воды и, испросив прощения у застывших

в изумлении гостей, спокойно сошел на берег. Типичный, в общем, дядька Черномор без богатей.

Ночь прошла относительно спокойно. Около часа звонки на мобильник Вадика прекратились, сам он больше не выкрикивал убийственных обещаний, хотя пару раз порывался упасть с тахты, шепча: «Не стреляйте, фашисты!» Видимо, снился дурной сон. Да, у многих семейное счастье как водка – заканчивается быстро. Но в отличие от последней, в гастроном за ним не сбегает.

Утром Вадик выглядел неважно. Да и кто после такого выглядит важно? Как-то нецензурно выглядел. Слово миротворец, получивший с обеих сторон одновременно. Нос, лишенный спасительного льда, превратился в перезрелую грушу, под глазами нарисовались совершенно неинтеллигентные синяки. С таким видом в банке делать нечего. Разве что встать у дверей с протянутой рукой: «Помогите, люди добрые, в поезде украли золотую „Master card“».

Минут десять после пробуждения Вадик молча сидел на диване и смотрел в одну точку. Никита нарисовал ее и специально на белом листе повесил на стену, в качестве отвлекающего маневра. Потом раненый попросил телефон.

– *Ей* звонишь? – сочувственно поинтересовался биржевой маклер, протягивая его старенькую «Nokia».

– В банк.

Никакие бедствия не смогли бы отвлечь настоящего банковского клерка от выполнения прямых обязанностей. Как ни в чем не повинные люди обойдутся без его консультаций? Он вяло сообщил непосредственному начальнику, что подвернул ногу, ударился об асфальт лицом и в итоге лежит с температурой тридцать девять. А посему просит три дня на восстановление сил. И перевести зарплату на карточку. Срочно нужны антибиотики.

– Дали? – спросил верный друг Никита.

– Угу, – мотнул головой Вадик, – просили больничный принести.

– С больничным решим, не вопрос. У меня медсестра в поликлинике есть знакомая, нарисует хоть десяток... Ты жить-то где собираешься? У матушки или у меня?

– Апустишь? Дня на три.

– Не вопрос. Только я храплю.

– Да? А я не слышал.

– Просто тебе было не до того... Лерке будешь звонить?

Вадик покачал головой и опять сильно загрустил.

– Понимаю... Может, еще за пузырем сгонять? Ви духа у тебя уставшая. Освежимся чутка.

Одноклассник, не ответив, упал лицом в подушку и зарычал:

– Ну чего ей не хватало?! Ну, почему?..

– Ответ на этот вопрос лежит в плоскости коллективного бессознательного. – Никита продолжил сеанс психотерапии. – У меня на бирже приятель есть. Молодой пацан, двадцать с небольшим. Цельный год пашни крутил с провинциалкой одной. Видел я ее пару раз. Девушка необыкновенной красоты и манер. Аристократка в седьмом колене, чуть ли не из царского рода. На «вы» со всеми, даже со мной. Только веера в зубах не хватало. Короче, любовь у них была по высшей категории. Цветочки, серенады. Он меня стишки просил сочинить, самому, дескать, не дано. Заявление подали, он денег на свадьбу бегал занимал. Но не сложилось пожениться. Спускались как-то от него в лифте. А перед этим сандвичей просроченных налопались. Аристократка о чем-то задумалась и произвольно «газанула». Ну, бывает, дело житейское. И приятель по-житейски отреагировал. Хохотнул. Так, что сопля повисла до бороды, извини за подробности... Ну и все. Любовь у них на этом закончилась. А ты спрашиваешь «почему»? Вот потому! Бессознательное!

– При чем здесь твой сопливый приятель?! – отмахнулся Вадик. – Я ей что, изменял?.. Ни разу ведь! И в мыслях не было!

– Чего, правда ни разу? – недоверчиво переспросил биржевой игрок.

– А зачем?.. Меня же все устраивало! – Вадик с минуты на минуту был готов разрыдаться.

– А вот это в корне неправильно. В корне!

– Что не правильно?

– Что ни разу. – Никита на всякий случай поднес водочную бутылку к глазам и посмотрел сквозь нее на свет, попытавшись обнаружить скрытые резервы. – Все устраивать не может по определению. Вот, если бы хоть разок изменил, сейчас смотрел бы на действительность другими глазами.

– Тоже мне, знаток. Женись сначала...

– Глядя на вас, мой побитый друг, мне этого категорически не хочется. А насчет измен я не шучу. Сам где-то читал. И, если хочешь, могу доказать на практике.

– В смысле? – не понял Вадик. – Женишься, что ли?

– Речь не о том... – Никита с заботой посмотрел на друга. – Тебе сейчас может помочь только одно. Хорошая, качественная измена. Говоря проще, безудержный секс без всяких взаимных обязательств!

– С кем?.. Секс... – настороженно уточнил свежеиспеченный рогоносец.

– Ну, не с Леркой, конечно... С кем угодно! Во-первых, ты имеешь на это полное моральное право. Не ты, что называется, первым начал. А во-вторых... Это лучшее лекарство. Поверь! Никакие пилюли не сравнятся. Выйдешь из депрессии за считанные часы. А то и минуты! Это как финансист финансисту говорю! У тебя кто-нибудь есть на примете?

– На какой примете?

– Сосредоточься. Ни на какой, а кто. Для секса есть кто-нибудь? В банке, там, или еще где?

– Откуда? Я ж говорю, ни разу....

– Ой, беда-то какая. – Никита поставил бутылку, поднял с пола утюг и приложил его холодную поверхность к лысине. – Плохо, очень плохо... Вот поэтому теперь и расхлебываешь.

– Ты хочешь сказать, что, если бы я гулял, все было бы нормально?

– Не гулял, а погуливал. Для бодрости, так сказать, для свежести и остроты отношений. Чтоб застоя не было в чувствах. Лерка, кстати, так и поступила. Я ее не оправдываю, но в чем-то понимаю. И поверь, если б ты их не застукал, она бы для тебя вчера праздник устроила.

– Какой праздник?

– Души и тела! Вспомни, когда-нибудь она ни с того ни с сего устраивала праздник? Ужин, там, навороченный, с винишком при свечах? Или подарочки без повода дарила?

– Ну, было... Иногда. Набор отверток на день святого Валентина.

– Вот!!! – вскричал Никита, словно слепец Гомер, нашедший на дороге очки. – Вот!!! Именно тогда она тебе и того... На тебе, любимый, отверточки и радуйся, какая у тебя заботливая жена.

– Зараза, – прошептал Вадик, сжав левую руку в кулак. На правой он сжимался не очень хорошо – ранний артрит пальцев, – я даже не подозревал.

– Нет, не зараза, а мудрая женщина! Очень мудрая.

– Посмотрел бы я на тебя, окажись она твоей женой, – мрачно парировал банковский клерк.

– Теперь представь обратную ситуацию: ты ей изменил. И чтобы не возникло никаких подозрений, сделал бы, к примеру, ей тоже какой-нибудь подарок. Цветы, в конце концов. Когда ты ей цветы дарил в последний раз? Наверняка на Восьмое марта, и все. Верно?

– Ну, верно.

– А женщины постоянного внимания и ухода требуют, как автомобиль. И если его нет – ломаются. – Никита оторвал уголок от лысины и назидательно поднял указательный палец. – Давно доказано, что хороший левачок укрепляет брачок... Ладно, это все пустые разговоры... А выход у тебя один. Какой – я уже сказал. И настоятельно советую не терять времени даром. Но для начала прими душ. В любом случае это не помешает.

Когда Вадик вернулся из ванной, одноклассник бодро и с плохо скрываемым чувством радости отрапортовал:

– Плацдарм для разврата готов! Но сперва сугубо интимный вопрос. У тебя деньги есть?

– А сколько надо?

– В принципе не много. Думаю, тысячи в три уложимся. Рублей.

– На карточке кредитный лимит сто тысяч. И зарплату обещали перевести.

– Плюс моя штука. Хо! Да мы Абрамовичи! – Никита радостно похлопал ладонями по арбузной утробе, словно в ней покоился мешок с золотыми червонцами.

– А зачем деньги?

– Понимаешь, разврат должен быть красивым! Праздничным, не для галочки. В этом весь смысл. Можно, конечно, за три сотни шалаву на трассе поднять и в парадняке оприходовать. Но этим душу не обманешь... Короче, у меня банщик есть знакомый, на коммерческом потоке в нашем техникуме учился. Я договорился, завтра он организует номерок «люкс» и накроет полянку со скидкой. Всего за две штуки в час. То есть четыре за два. Копейки по нынешним временам! Девочки, правда, не входят. Но не возбраняется принести с собой, ха-ха-ха!

Никита растопырил руки, словно человек, несущий подмышками арбузы.

– Доставку девочек беру на себя. Помнишь, про медсестру рассказывал? Заодно и больничный попросим.

– Мы что, одну на двоих?...

– Как можно?! Мы же не извращенцы, а приличные разбойники! Подружку пусть приведет!

– А она согласится?

– Ни секунды не сомневаюсь! Одинокая тетка, в соку. Тридцать лет. И на фасад ничего, если подштукатурить. А потом, я повод придумаю. День рождения, к примеру. Твой. Чтоб все симпатично и интеллигентно. Часок поспрадуем, часок попаримся. Отдельные номера предусмотрены. Так и быть, составлю компанию. Не бросать же тебя на произвол судьбы. И увидишь, всю твою хворь как рукой снимет. А послезавтра, когда окончательно придешь в себя, поедешь к Лерке. И спокойно обсудите, как быть дальше. То ли разбежаться, то ли вместе жить. При этом разговаривать будете, как равный с равным.

Вадик присел на диван и вновь уставился в нарисованную точку.

– Опять сомнения?

– А что я маме скажу? Что Алешке? Алешкой звали сына. Мамой звали маму.

– Послушай, – со скрытым раздражением ответил Никита, – тебя это не должно волновать. Чей косяк?

Леркин или твой? Леркин! Взята на месте преступления за жопку. Оказала активное сопротивление. Пускай теперь сама и объясняет. И маме и Алешке. И потом, то, что я предлагаю, всего лишь экстренная терапия. Реанимация. Про которую, кстати, никто не узнает.

– Да я не про баню... Я вообще.

– Ты мужик, в конце концов, или каша овсяная?! – не выдержал пузатый терапевт. – Ой, мне плохо, ой, в нос дали... Так и будут дальше давать! Даже противно. Возьми себя в руки. Жизнь продолжается! Да, понимаю – обидно. Где-то, наверное, больно. Но заканчивается это, как правило, одинаково – алкоголь, депрессия, суицид, прости Господи. Или еще хуже – панель. А чтоб подобного не случилось – надо делать, как советуют умные люди.

– Ты?

- В данном случае я... Пойми, это нужно не столько тебе, сколько вам обоим.
- Скажешь тоже...
- Не, можешь горевать дальше! Пожалуйста. У меня дел хватает, найду, чем заняться. Никита демонстративно отвернулся к окну.
- Чепуха какая-то, – едва слышно прошептал Вадик, потрогав разбитый нос, – терапия, секс... Я уж самкак-нибудь разберусь.

* * *

Не разобрался.

Встречу с девчонками назначили в центре, на углу Лиговского и Невского. Погода подходила для разврата как никогда. Уютный теплый летний вечерок с позывами к легкому дождю. Хотя Вадик предпочел бы торнадо, поднимающий и швыряющий машинки оземь. Ничего личного, просто настроение такое.

– Что ты им про меня сказал? – на всякий случай уточнил он у Никиты.

– Правду. Недавно развелся, работаешь заместителем управляющего банком, ищешь новых впечатлений. Хороший, приятный во всех отношениях неженатый человек.

– С банком ты погорячился. И с остальным тоже.

– Ты предлагал рассказать им правду? Сомневаюсь, что они откликнулись бы на зов.

Девушки опоздали всего на десять минут, что говорило об их воспитании и хороших манерах. Медсестру звали Наташей, подружку Кариной. До фотомоделей обеим было, конечно, далековато, но и детей пугать ими вряд ли бы стали. В общем, средний класс. Широкобедрая Наташа немного уступала Никите в габаритах, Карина же имела довольно стройную фигуру, добытую, видимо, в результате изнурительных диет и фитнеса. А возможно, на халяву доставшуюся от природы. На косметике и духах дамы не экономили, понимая, что это своего рода вложения в расчете на будущие дивиденды. Но вечерним платьям предпочли более демократичную одежду. Брюки, блузки и купальные шапочки (в сумочках). Все-таки не в ресторан собрались.

После знакомства девушки поздравили Вадика с днем рождения, сказав, что подарок вручат позже. Он поблагодарил и попросил не обращать внимания на его внешность. Синяки заработаны благородным образом. В банк заявился клиент с помповым ружьем, захватил заложницу и стал требовать погашения кредита по причине кризиса. Вадик случайно оказался рядом и смог отобрать у наглеца ружье. Но тот успел прикладом зацепить его нос.

Возбужденный вечерним воздухом Никита поймал жадного вонючего частника на покаянной «девятке», и с веселыми шутками все помчались на совместную помывку. Баня находилась недалеко, в пяти остановках, но серьезные финансисты не могли допустить, чтобы дамы добирались на метро или маршрутке.

– Я на своем «круизере» хотел приехать, – гнал, по обыкновению, Никитушка, – но не стал рисковать – за управление в нетрезвом виде пожизненное лишение прав.

С «круизером» Никита пропиарился. Но тачка у него имелаась. «Опель» 1990 года выпуска, купленный еще в студенчестве у перегонщика и поставленный на вечную стоянку под окнами квартиры. Потому что в таком состоянии он мог передвигаться только с помощью эвакуатора. И то под вопросом. На эвакуатор еще погрузиться надо, не развалившись. Но Никита относился к состоянию личного автопарка философски. «Тот, кто ездит на новой тачке, добился авторитета, уважения, финансового благополучия. А тот, кто на старой, – добился всего этого уже давно».

По дороге он напомнил Наташе про больничный листок. Она обещала похлопотать, хотя с этим сейчас строго – в поликлинике беспощадная война с коррупцией. И другими не попу-

лярными в народе явлениями. Но у нее хорошие отношения с новеньким хирургом, он нарисует Вадику какой-нибудь ушиб почки или вывих колена.

Совершенно некстати Вадику позвонила мама. «Сынок, что у вас с Лерой случилось? Она волнуется, тебя ищет, говорит, из дома ушел... Где ты?»

«Мама, мы с Никитой едем в баню с девочками. Мыться по случаю моего дня рождения. У меня сегодня день рождения, если ты не знала».

Конечно, Вадик так не ответил, хотя имел право. Но зачем мать расстраивать? Буркнул: «Все в порядке, перезвоню» и отключился.

Звонок потревожил открытую рану. «Ишь ты, волнуется, разыскивает... Когда этого козла ублажала, не очень, наверное, волновалась. Ничего, пусть побегаёт, посуется».

С другой стороны, очень трудно взять и порвать все, пускай даже при подобных обстоятельствах. Все-таки пять лет вместе, плюс год до свадьбы. Привыкли друг к другу, Алешка, ипотека кровососная. Родственники, друзья, фотокарточки на стенке... Набор отверток опять-таки. Вадик представил, как она выбирала его в магазине, как допытывалась у продавца насчет качества. Чтобы мужу удобно работалось. Вообще-то, ему не нужен был этот набор, он говорил как-то, что надо купить разводной ключ для сантехники. Видимо, она перепутала, а переспрашивать не стала – сюрприз все-же. Он ей, к слову, ничего не подарил. Зато не изменял!

Но и от случившегося не отмахнешься. Одно дело догадываться, другое – застучать. Да еще и в нос получить. Как с этим жить? Успокаивать себя? Ничего, тебе показалось, это действительно была всего лишь ее работа.

Но самое страшное во всей этой ситуации, что он любил ее. Не для протокола, а по-настоящему. Сам себе регулярно задавал вопрос: а любишь ли ты ее? И гордо, без лукавства отвечал: да, я люблю ее! (Про день святого Валентина просто забыл в суете.) Конечно, знаки внимания с его стороны сейчас были не такими яркими, как в первые годы, – быт, словно наждачная бумага, стачивал чувства. Но не до такой же степени, чтобы она приглашала домой всяких уродов! Ладно бы, еще не домой. И как тут успокоиться?! Может, и прав Никита. Клинь клином...

– У тебя что-то случилось? – поинтересовалась Карина, сидевшая справа и, как бы случайно, положившая руку на его колено.

– Просто грустно. Вот еще год прошел. Не люблю дни рождения.

– А сколько тебе стукнуло, если не секрет?

– Двадцать восемь.

– О, мне еще ползти и ползти, – похвасталась Карина, которой даже при сильной близорукости уже можно было дать тридцатник, и еще плотнее прижалась к попутчику. Чувствовалось, что Вадик произвел на нее впечатление. И не потому, что на дворе кризис. Не надо все мерить денежными знаками и пластиковыми карточками.

С частником расплачивался, разумеется, банкир. Что справедливо – он, а не брокер, проходил экстренную терапию.

Банный комплекс представлял собой отдельное двухэтажное строение с обязательным для подобных заведений фаллическим символом, уходящим в небо. Из символа шел настоящий дым, говорящий о серьезности подхода к делу. Или о кризисе – дрова дешевле электричества. Пятерка Великолепных иномарок перед дубовыми дверьми. Банька не для простого пролетария или агрария. А для сложного. Рядом с дверьми, на табличке из белого мрамора золотое тиснение – к услугам клиентов массаж, спа, бильярд и все, что пожелает платежеспособная душа.

Вадика опять кольнуло. Массаж...

Он познакомился с Леркой как раз на массаже. Мать договорилась через подругу пристроить его на несколько сеансов к хорошему массажисту. Чтобы тот поработал над его сколеозной спиной. Дальше было как в одной рекламе. Вадик зашел в кабинет. За столом сидела

юная кудесница массажа, совсем не похожая на представительниц этой древнейшей профессии. Белый халатик ниже коленей, волосы спрятаны под чепчиком, почти полное отсутствие косметики. И милое, детское лицо, как у Настеньки из старой сказки «Морозко». Он представился и сказал, что записан. Кудесница заинтересованно улыбнулась, предложила раздеться до трусов и лечь на стол лицом в специальную дырку. Когда он выполнил просьбу и приготовился ощутить прикосновение волшебных девичьих рук, девушка произнесла:

– Ашот Арутюнович, все готово.

Как оказалось, она была практиканткой. Заканчивала медучилище по специальности мануальный терапевт. А Ашот Арутюнович наставником. Вадик же стал учебным пособием.

– Видишь, позвонки смещены? Непорядочек, – го ворил он совершенно без кавказского акцента, с хрус том обрабатывая студенческий хребет.

После сеанса Вадик одевался медленно и неловко. И виной тому был не массаж, а глаза практикантки. Он, не отрываясь, пялился на них, словно пьяница утром на витрину с алкоголем. В то смутное время Вадик находился в активном поиске спутницы. Но соблазнять прекрасную незнакомку при наставнике не рискнул. Наставник тоже не слепой, наверняка глаз на студенточку положил. Учует конкурента, да не на тот позвонки и надавит. Сошлется на врачебную ошибку, а ты потом ездил всю жизнь в инвалидной коляске в камуфляжной форме по вагонам метро.

Но через пару сеансов судьба подмигнула и дала шанс. Арутюнович вывихнул при массаже руку и отменил сеансы. Узнав эту новость, Вадик так расстроился, что практикантка предложила свои услуги. Мол, массаж имеет положительный эффект лишь в случае непрерывности сеансов. Студент с плохо скрываемой радостью согласился. В процессе священнодействия разговорились. Он поведал о нюансах при доказательстве теоремы Геделя, она о последних разработках в области лечения межпозвонковой грыжи. То есть сразу нашли много общих точек соприкосновения. И разумеется, трубадур не мог окончательно не влюбиться в прекрасную принцессу – ее руки творили чудеса и не шли ни в какое сравнение с грубыми руками Арутюновича. Вадик мгновенно позабыл о сколиозе. А когда ее ладони опускались ниже его пояса, и вообще обо всем на свете. Но выразить свои чувства словами он пока постеснялся. А уж пригласить девушку в заведение общественного питания или синематограф и подавно. Мало ли у нее таких пациентов. И вообще, может, у нее законный жених есть. Или муж.

И вдруг случилось чудо. Когда он натягивал джинсы за ширмой, Валерия – такое редкое имя носила практикантка – сказала:

– Мне кажется, я знаю, о чем вы сейчас думаете.

– Да? – Он выглянул из-за ширмы. – И о чем?

– О том, что хорошо бы пригласить меня в ресторан или кино. Верно?

– А с чего вы так решили? – Вадик не отважился признаться в тайных желаниях.

– А куда еще обычно приглашают понравившуюся девушку? Не на семинар же по экономике. И не на футбольный матч. Но если вы хотите пригласить меня именно туда, то, в принципе, я согласна.

– А почему вы решили, что мне понравилась?

– Вряд ли бы вы стали рассказывать про теорему Геделя едва знакомому человеку, который вам не интересен.

– Да, верно... Но я не люблю футбол... Пойдемте в кафе.

Как позднее она призналась, сначала Вадик заинтересовал ее своим позвоночником – крайне редкая патология. Но затем она разглядела в нем и хорошего человека, в которого не стыдно влюбиться. На тот момент она была свободной сердцем. Правда, Ашот Арутюнович пару раз пытался предложить ей безвозмездный массаж. Но она не повелась на халяву. Вадик же тоже оценил ее не только как массажистку.

Ну и дальше понеслось по восходящей. Через два месяца они ужинали уже не только в кафе. Хотя, положила руку на сердце, в кафе было вкуснее. Готовила она так себе.

И до сих пор он не был уверен, что тогда, в кабинете, рискнул бы сам проявить инициативу... Хорошо, что проявила она. Можно сказать, повезло. С другой стороны, говорят, взаимности надо добиваться. Не спать ночами, совершать подвиги и глупости, писать стихи и письма, короче, доказывать ей свою единственность и неповторимость. Иначе не любовь, а полуфабрикат. Вадик не добивался. Так уж получилось.

...Никита нажал на кнопку рядом с дверью. Через десятую долю секунды дверь отворилась. Брокер назвал пароль «Мы от Константина Эдуардовича», швейцар посторонился и указал рукой в направлении темного коридора.

– Вторая дверь, пожалуйста. Все готово. Если что-то понадобится, на стене звоночек.

Компания поблагодарила и, не задерживаясь на изучении просторного банного холла, проследовала в номера. Швейцар не стал провожать гостей, отвлекшись на телефонный звонок. К тому же гости были ему неинтересны. Они принесли своих девочек. Это все равно что прийти в пятизвездочный отель со своей раскладушкой. Даже маленькие дети в нашей стране знают, что банно-прачечные комплексы сводят концы с концами только за счет продажи определенного рода услуг.

Когда Никита переступил порог помывочной, он буквально застыл в полнейшем восхищении. Да, это был «люкс»! Всем «люксам» люкс! Древнеримские термы высшего разряда. Арки, колонны, мрамор, пальмы, статуи голых дев. Мозаичное панно эротического содержания. В интимном полумраке бликовал голубой бассейн с гидромассажем и водопадом, негромко пела сладкая скрипка. И в центре, под черным звездным куполом, освещенный энергосберегающими прожекторами, гостей ждал стол, сервированный на четыре персоны. И не просто сервированный. Иным ресторанам высокой кухни не снилось подобное великолепие. В середине, на широком блюде, в обрамлении зелени и свежих овощей возлежал подрумяненный молочный поросенок с воткнутой в холку серебряной вилкой. Бутерброды с запрещенной черной икрой прикрывали его на флангах вместе с фруктами и мягким хлебом. Несколько видов салатов, суши, мясные нарезки, королевские креветки, соусы... Селедка под шубой, конь в пальто. В общем, все то, что необходимо в авторитетной бане. Плюс, разумеется, алкоголь. Качественный и разнообразный. Даже sake. Чтобы поглотить всю эту прелесть за отведенные пару часов, надо быть очень голодным или обладать двадцатилитровым желудком.

Немного портил впечатление запах табачного дыма, пропитавший стены «люкса». Наследие позорного прошлого, когда Госдума еще разрешала курить в общественных местах.

Придя в себя, Никита заорал так, будто впервые в жизни увидел черную икру. Забыв про компанию он бросился изучать стол, пробуя на зуб с каждого блюда. Затем метнулся в одну из дверей. За ней оказалась уютная спальня с приятной во всех отношениях тахтой и зеркалом на потолке. За соседней дверью обнаружилась другая, не менее уютная. На случай, если кто-то захочет прилечь после сытного ужина. За третьей дверью – бильярдная, велотренажер и караоке. Не откладывая дело в долгий ящик, Никита исполнил песню «Ах, какая женщина» и получил 98 баллов. Правда, вместо поздравления «Вы поете великолепно» зажглось «Вы пьете великолепно». Аппарат был китайского производства.

Собственно сама парилка находилась в соседнем с гостиной помещении, за дубовой дверью с нарисованным на ней венником. Там же была и раздевалка.

– Ну, девчонки! Гуляем!

В раздевалке, прежде чем гулять, Вадик осторожно уточнил у друга:

– Ты уверен, что все это на четыре тысячи?

– Никаких сомнений, – твердо заверил Никита, опоясываясь свежей простынькой, – Костян же сказал – пятидесятипроцентная скидка. Как для своих.

- Да тут и со скидкой не меньше, чем на червонец.
- Дыши ровно. Все под контролем.
- Имей в виду, у меня только две тысячи.
- Костян уже заплатил из своих, а мы ему завтра отдадим. Просто сегодня не его смена.

Ну что? К станку?

Вадик, однако, скидывал с себя одежды как-то вяло, без должного энтузиазма.

– Ты чего? – заподозрил неладное Никита.

– Да как-то я... Настроения, в общем, нет...

– Ты опять за свое?! Ну, сколько можно, старик? Это уже даже не смешно... Давай, давай, переодевайся! – Брокер с силой сунул в руки Вадика простынь. – Значит, план такой. Сейчас закусываем, выпиваем, минут десять паримся для проформы, потом я Наташку заманиваю в номер и даю отмашку. Не комплексуй, главное. Каринка хочет, слепому видно! Она что, не знает, зачем в баню с мужиками ходят? Да еще в такую. Помыться и в ванне можно. Кто девушку парит, тот ее и пиарит, ха-ха-ха...

– Не о ней речь. Обо мне.

– Переодевайся! Быстро! Нытик!

Девушки уже подготовились к приему пищи и банным процедурам. Сидели за столом в простынках и ворковали на политические темы: случится наконец третья мировая война или нет? Карина, как бы невзначай, игриво обнажила левое бедро. Бедро было хорошо. Вадик присел рядом с бедром.

Никита, не теряя ни секунды на разговоры, откупорил шампанское и произнес тост за именинника, замечательного человека с полным набором лучших мужских достоинств. Затем брокер ловкими движениями расчленил несчастного поросенка и бросил себе на тарелку увесистую грудинку. Добавив зелени и хренку, принялся уплетать со скоростью сто граммов в минуту. Словно это был его последний ужин перед казнью.

Вадик, потерявший со вчерашнего дня аппетит, ограничился двумя кусочками колбаски и салатом «Цезарь». Девушки были менее стеснительны – угостились креветками и запрещенной черной икоркой.

Потом они тоже взяли слово, перед этим налив себе бургундского зелена вина урожая 1961 года, как утверждала этикетка на матовой бутылке. Говорили, что им очень приятно познакомиться с таким замечательным мужчиной, пожелали ему, разумеется, счастья, здоровья и удачи. А Наташа прочла стихотворение, скачанное из Интернета, незаконно выдав его за свое. После стиха вручили подарок, соответствующий моменту. Банную шапочку викинга. С войлочными рогами. Плюс деревянный массажер-скакалку и рукавички с вышивкой «Пар костей не ломит» и «Made in China». Достойный, в общем, подарок. И главное, по теме.

Увидев массажер и рога, начавший было возрождаться Вадик, опять откровенно загрустил. Карина трактовала это по-своему и заманчиво прошептала:

– Это ведь чисто символически... Основной подарок впереди.

Простынка при этом соскользнула с ее бедра практически полностью. Вадик вздохнул и выпил водки, которую не очень любил. Но сейчас ему было все равно, что пить.

«А может, прав Никита? Что я тут терзаюсь – хорошо, не хорошо? Нормально все! Банька, закуска. Девчонки не самые последние. И на все согласные. Отыграйся по полной! Имеешь право. Общественность бы тебя не осудила. Да и не узнает ничего общественность. Миллионы мужиков изменяют своим преданным женам, а ты боишься изменить один раз. Что характерно, уже не преданной».

Он опустил руку на бедро. Карина не возражала. Видимо, она была открытой и принципиальной. И не строила из себя оскорбленную невинность. Наверное, для приличия Вадик дол-

жен был завязать разговор, поинтересоваться, чем девушка занимается, каковы ее жизненные принципы, на крайний случай рассказать свежий анекдот. Но ему не хотелось. Да и девушке, похоже, тоже. Поговорить можно потом, по телефону или по «скайпу».

Никита, тем временем разобравшись с грудинкой, плеснул себе граммов сто «Хеннесси» и поднял рюмку.

– Прошу минуту молчания... А давайте выпьем за Россию! Кроме шуток! Да, да, за нашу великую, могу чую Россию! Которая смогла встать на рыночный путь развития, сбросить коммунистическое ярмо, и теперь у нас, простых, обычных людей все это есть! Мечты сбываются!

Он окинул взором банные просторы и опрокинул коньяк в безразмерное чрево.

– А почему не чокаюсь? – возмутилась Натали. – Мы что, за покойника пьем?

– Извините, увлекся. Россия бессмертна! – оправдался Никита и набросился на креветок под лимонным соусом.

С яствами он разбирался быстро, умело, можно сказать, профессионально. После пятнадцати минут застолья добрая половина блюд навеки исчезла в его ротовой полости. Его положительный пример подействовал на друга. Вадик угостился салатом и парой креветок.

Через полчаса интенсивного поглощения выпивки и закуски вспомнили, собственно, про баньку. Никита, взмахнув ароматным эвкалиптовым веником, словно саблей, прокричал «За Родину!» и устремился в парную. Остальные следом. Вадик водрузил на макушку подаренную рогатую шапочку. Удивительное дело, но хандра постепенно отступала. Тяжело, с боями, но отступала. По крайней мере, рога уже не вызвали негативных ассоциаций. Наверное, Никита прав.

В парной, протопленной до трехсот градусов по Фаренгейту, девчонки постелили простынки и улеглись на горячие доски личиками вниз. Никита подмигнул Вадике и принялся бессистемно махать вениками над Наташей, приговаривая, что в современной Европе он парщик номер один. Вадик, догадавшись, что Карина ждет от него того же самого, вытащил из кадки дубовый инструмент, поправил рога и подошел к станку.

Атмосфера мгновенно накалилась. И не могла не накалиться. Веники были качественными и свежими. А женщины настоящими. Вадике оказалось далеко до мастера Никиты. После пары ударов он уже притомился и мечтал окупаться в бассейн.

– Я в Германии как-то был. Немцы, оказывается, баню не любят, – размахивая эвкалиптом, читал просветительскую лекцию Никита, – якобы, мозг получает серьезную нагрузку и восстанавливается целую неделю. Но дело совсем не в бане. А в мозгах. Наш мозг никакой нагрузки в бане не испытывает.

С этими словами он врезал веничком по глянцевым от пота мячикам Наташи. Мячики запрыгали от восторга.

Вообще-то, в Германии мастер не был, но зато ездил пару раз на Урал к тетке. Что равноценно.

Наконец великий парщик Европы швырнул инструмент в кадку и скомандовал:

– В воду! Всем в воду! Бегом, девочки, бегом! Шнелле!

Он выскочил из парилки и, сбросив на ходу простынь, с разбегу сиганул в бассейн бомбочкой, чуть не выплеснув из него всю воду.

– Кла-а-а-ас!

Наташа прыгнула следом, взвизгнув и зажав пальцами нос. Карина же обнажилась грациозно, сбросив простынку на вешалку, после чего неспешно спустилась в воду по ступенькам, возбуждающе поигрывая мячиками и демонстрируя на копчике синее тату откровенно уголовного содержания. Подплыла к водопаду и выпрямилась, подставив голову и грешные прелести под его прохладные струи.

Вадик нырнул прямо в простыне и шапочке. Пока он не очень комфортно чувствовал себя в обществе малознакомых дам, пусть даже готовых на все. Дамы засмеялись.

Увидев стоящую под водопадом Карину, он по привычке стеснительно отвернулся и ушел под воду. Якобы нечаянно. Но под водой вовремя вспомнил, что проходит сеанс экстренной терапии и отводить или закрывать глаза нет никакой необходимости. А даже наоборот – открыть их максимально широко. Для кого дамы демонстрируют свою обнаженную натуру? Не для расчлененного же поросенка.

И в принципе уже можно приступить к собственно терапии. Женщины, судя по их возгласам типа «класс», разогреты и доведены до кондиции. Во, Никита, уже приступил, в обнимку с Наташей кувыркаясь под водой. Но сначала еще сто граммов для полного подавления комплексов. И частичной потери совести. Хотя при чем здесь совесть? У него она как раз в порядке.

Вадик представил, как они с Кариной зайдут в комнатку с зеркалом на потолке, как осмотрят стены на предмет наличия скрытых видеокамер, а потом... Ее татуировка запрыгала перед его глазами, словно баскетбольный мячик. Вверх-вниз, вверх-вниз... Водки, срочно водки!

Когда он вынырнул на поверхность бассейна, то заметил незначительное изменение обстановки. Но, протерев ладонью глаза, понял, что оно значительнее. Очень значительнее.

Возле входных дверей, рядом со статуей греческой богини Афродиты стояли шесть человек. Четверо мужчин и две женщины. Далеко не пролетарской наружности. Первое, что бросалось в глаза – выражение их лиц, и только после – одежда и аксессуары. Подобное выражение бывает у граждан, увидевших ресторанный счет с двумя лишними нулями. Или с сотого этажа небоскреба разглядевших, что их машину забирает эвакуатор. Причем тарасились они не столько на купающихся в бассейне, сколько на пяточок несчастного молочного поросенка.

Одежда же господ выгодно отличалась от поюзанной жилетки брокера Никиты и рабочего пиджака банкира Вадика. Костюмчики минимум от «Армани». Женщины были породисты и дороги. Полный гламур.

Мужчины не представляли собой однородной массы. Двое, что стояли позади, могли составить конкуренцию железному Арни во время кастинга на роль Терминатора. Выправка и прически подсказывали, что в недалеком прошлом они проходили воинскую службу в войсках специального назначения. Передние же господа имели полное право называться элитой современного общества. Таких обычно берут в политику или сырьевой бизнес.

В дверях мелькнуло перепуганное до смерти лицо швейцара-администратора. И смерть была мучительной. Кажется, он извинялся, что не доглядел.

Вадик не успел задать наводящий вопрос, потому что слова застряли в горле. Рога на шапочке упали к ушам.

Терминаторы молча отлепились от стены и синхронно двинулись к бассейну, на ходу разминая мощные верхние конечности.

Музыка вдруг оборвалась.

Вадик понял, что словесные доводы в расчет не примутся, зажмурился и опять ушел под воду. Вместе с шапочкой. И почему-то совершенно не хотел всплывать.

* * *

– Зато денег не взяли. Даже в трагических ситуациях надо видеть плюсы, – шепеляво заметил Никита, поправляя бинт на голове.

– Это с тебя не взяли, – прошептал Вадик, открыв правый глаз.

Левый открыть пока не смог. Но врачи заверили, что скоро сможет. Если будет соблюдать режим и рекомендации.

Они отказались от госпитализации. Никита позвонил какому-то приятелю, и тот из травматологического пункта отвез их к нему домой на своей машине. Бесплатно. Судеб Наташи

и Карины они пока не знали, но надеялись, что их травмы окажутся совместимыми с жизнью. Собственные же увечья не уместились на одном листе истории болезни. Только слово «гематома» повторялось раз по десять на каждого. Слава богу, не оказалось переломов, хотя по правде жизни их должно было быть не меньше восьми. Тоже на каждого. Но Никита чувствовал себя намного лучше приятеля. Его могучий живот великолепно сыграл роль тяжелого бронжилета. И даже попади в него пуля, она сгорела бы в плотных слоях жира, не долетев до цели. К сожалению, Вадику в этом отношении повезло меньше. «Вот поэтому немцы и не любят баню», – с грустью заметил он, увидев диагноз.

– Ты не помнишь, на мне сегодня были часы? – спросил пуленепробиваемый лежащего на тахте друга.

– Я вообще ничего не помню.

– Совсем?

– Помню, как нырнул. А как вынырнул, не помню. На самом деле Вадик помнил, но даже мысленно возвращаться в баню было больно. Поэтому он сразу перескакивал на газон перед комплексом, куда приземлился после очередного удара в грудь одного из терминаторов. Выкинули его прямо в рогатой шапочке и, что самое обидное, совершенно голым, если не считать массажера, завязанного вокруг шеи. Как и Никиту, который не сдался, а пытался отчаянно сопротивляться, крича, что они зашли туда, куда им велели, – во вторую дверь. И не их вина, что дверь кладовой считать было не надо. Все вопросы к подлому швейцару.

Куда подевались девчонки, они не видели, но на тот момент их это не особо волновало. Зато увидели швейцара, лежащего без движения на соседнем газоне. Так ему, козлу, и надо. Лучше за гостями следи, а не по мобиле болтай.

Спустя пару минут второй терминатор швырнул на газон их одежду и мобильники. Вадик не обнаружил наличности, взятой, видимо, в счет компенсации за съеденного поросенка. А Никита своей безрукавки. Требовать ее возврата он не стал. Хотя судебным разбирательством и угрожал. Но больше так, – для очистки совести.

В травматологическом пункте, куда их по доброте душевной доставил какой-то дальний бойщик на «КамАЗе», они сказали, что подрались с неизвестными, вступившись за случайных девушек. В милицию заявлять не будут, поэтому попросили туда не сообщать.

– Значит, отобрали часики, – сделал печальный вывод Никита, не найдя их в комнате, – жалко. Хорошие были. «Сейко». Матушка подарила на выпускной... Сволочи. Не так много мы и съели. Подумаешь, свинью чуть-чуть попробовали. Мы что, отказывались оплатить? Нет, не отказывались. На хрена мордой в селедку под шубой? Ну, на крайняк, пошли бы в наш номер и ели бы, сколько хотели. Мы бы разве возражали?

– Позвони своему Косте, узнай, что за товарищи. Не будут ли мстить?

– Уже позвонил. «Газпромовцы» оба. Бывшие бандосы. Сначала мочат, потом разбираются. Удачную сделку обмывали. С блядьми. Номер «люкс» заказали. А эти качки – охранники.

– Мечты сбудутся.

– Поэтому им деньги и не нужны. Денег у них самих много. Мозгов мало...

– Интересно, с девчонками что? Может, позвонить? Никита дотянулся до стакана с водой и сделал пару глотков.

– Хм... Не знаю, удобно ли... Они, наверно, расстроились. Я подозреваю, что их того...

– Чего, «того»? – побледнел и без того бледный Вадик. – Утопили?

– Не. Какой резон? Отработать могли заставить. «Газпромовцы» – то баб себе принесли, а вышибалам... Но это только версия. Не бери в голову, захотят сами позвонят. Им-то по большому счету все равно с кем. С нами или с ними. За тем и шли. Плохо, больничный Наташка теперь не делает. Кстати, а зачем тебе теперь липовый больничный? У тебя настоящий есть. Еще и круче. Вот – очередное доказательство моей теории. Что даже в плохом всегда есть хорошее.

Вадик опять позвонила мама. Обижалась, что он ей так и не отзвонился. Вадик пробормотал, что не смог.

– Так что у вас с Лерой? Она ничего не говорит.

– Нормально все, ма... Поругались немного. Я у Никиты сейчас.

– А домой собираешься? Первый час ночи уже.

– Правда? Я и не заметил. Не, ма. Я снова у Никиты останусь. Он мне на полу постелет.

Сама Лерка больше не звонила. Ни на трубку, ни Никите. И Вадик пока не собирался. Пускай помучается. Конечно, рано или поздно позвонить придется. В следующее воскресенье, кстати, они собирались в деревню к Алешке и тестю с тещей... Но пока никаких звонков.

Никитиной матушке соврали, что случайно угодили под разборку фанатов «Зенита» с ментами. Когда сидели (вернее, лежали) в «травме», по телевизору, стоящему в приемной, сообщили, что фаны действительно атаковали превосходящие силы милиции на подступах к «Петровскому». Матушка, находившаяся в жесткой оппозиции к городским властям, заявила, что этого так не оставит и, если потребуется, дойдет до Комиссии по правам человека при ООН.

– Ну, ничего. В общем-то, на свои четыре тысячи мы наесть и выпить успели. И даже в баньке попарились и в караоке спели. А раны заживут, – подвел итог развратному мероприятию Никита, после чего кивнул на пах. – Главное, агрегаты целы.

– У меня сотрясение.

– Чего, агрегата?

– Мозга.

– Фигня. У меня тоже. Кстати, каждый раз, когда парашютист приземляется, он получает сотрясение.

– Какой парашютист?

– Любой. Прикинь, многие по пятьсот раз прыгают. Там уже и мозгов-то, наверно, нет. Но ничего, живут. Я это все к чему? – Никита выдержал мобилизующую паузу. – У тебя деньги остались?

– Налички нет, «газпромовцы» забрали. Карточку, слава богу, в баню не взял. Как чувствовал. – Вадик взял с секретера «Master card». – А что?

Лежавший на раскладном кресле брокер присел, свесив живот-бронезилет между ног.

– Я считаю, что любое зачатое дело надо доводить до конца. Только так в жизни можно чего-то добиться.

– Ты о чем?

– Все о том же. Мы должны доказать сами себе, что являемся настоящими перцами не только по форме, но и по содержанию. Вернее, ты должен доказать. Улавливаешь мысль?

– Нет.

– Надо повторить заход.

Видимо, Никиту так впечатлила обнаженная женская плоть, что под ее покорение он мог подвести любую теорию. Даже прибавочной стоимости или относительности. А то и право наций на самоопределение.

– Как это «повторить»? – Вадик оторвал сотрясенный мозг от подушки. – Снова в баню? Чтoб доби́ли? Нет уж, это без меня!

– Спокойно, – взглядом доброго волшебника Урри Геллера, посмотрел на него Никита, – речь не о бане, а о принципе. Не знаю, как тебе, но мне сегодняшней облом до конца жизни снится будет. И я этого оставить просто так не могу. Не имею морального права.

– Ну и не оставляй. А я жить хочу.

– Да будешь ты жить, господи, боже мой! – вознегодовал брокер. – То, что произошло сегодня, – всего лишь нелепая ошибка! Из разряда это может случиться с каждым!

– Или знак свыше.

– Какой, к бесу, знак?! Этот муфлон вышибала не на ту дверь показал! Вот и весь знак! Послушай... Я прежде всего хочу помочь тебе. Я же вижу, что ты продолжаешь страдать!

– Да уж, страдаю. – Вадик, поморщившись, вторично дотронулся до разбитого носа, щедро обработанного зеленкой.

– Я о душевных муках. Их йодом не замажешь.

– Между прочим, мы твоему Костяну еще за сегодняшнее не вернули.

– Это правда, – грустно согласился Никита, – но я объясню ему ситуацию. Он войдет в положение. Человек свой, в одном танке горели.

– Каком еще танке?! Ты ж справку купил. О плоскостопии.

– Во-первых, не купил, а сменял. На акции «Юкоса». Когда он еще был «Юкосом». А во-вторых, плоскостопие у меня действительно присутствует, только эти эскулапы военкоматовские даже одноруких инвалидов годными признавали. Дескать, на курок нажать одной руки хватит. Даже пальца. Так что я просто восстановил справедливость. И потом, если помнишь, я убежденный пацифист. А про танк так, к слову. Для доходчивости. В общем, думай. До утра время есть. А сейчас спать. Но если надумаешь, буди.

Никита дернул за шнурочек торшера, и комната погрузилась во мрак.

Вадик несколько секунд не закрывал уцелевший глаз. Несмотря на дикую усталость, сон не шел. Да и ушибы с синяками не лучшее снотворное.

Конечно, было обидно получить ни за что, но с другой стороны, в голове вертелась странная мысль – а может, оно и к лучшему? Как бы он смотрел потом в глаза тому же Алешке? Даже понимая, что он ничего не узнает.

Вадик повернул голову. Тень от цветка на окне напоминала палача, поднявшего над головой меч. И напомнила еще кое о чем...

* * *

Они оказались в музее, в общем-то, случайно. Гуляли по набережной, как вдруг хлынул ливень. Нет, он, конечно, хлынул не вдруг, с полчаса собирался, но юные влюбленные просто не обращали на это внимания. Вадик увлеченно рассказывал о тонкостях бухгалтерского учета, а Лера, не отрываясь, слушала. Когда же с небес упала дождевая вода, они очнулись и побежали к ближайшему укрытию, которым как раз и оказался Музей восковых фигур. Прямо за дверьми посетителей встречал яркий стенд с портретом румяного Малюты Скуратова. «Незабываемые минуты в компании убийц, садистов и палачей! Всего за 100 рублей!»

Судя по отсутствию очереди у кассы, выставка не пользовалась успехом у публики. Ибо после пары вечеров с НТВ, представленные убийцы и садисты казались потешными плюшевыми игрушками. И зачем тратить деньги, если вечером палачей покажут бесплатно.

Смотритель, он же экскурсовод, мужчина пенсионного возраста, скучал на вахте в компании с гигантским кроссвордом.

– Давай сходим, – предложила Валерия, – все равно дождь.

– Не вопрос. – Вадик тут же раскрыл бумажник с пятисотенной купюрой, выклянченной утром у матери, якобы на покупку дефицитных учебников по бухучету.

Над кассой висело объявление «Экскурсовод работает только при наборе группы».

Когда влюбленные подошли к смотрителю, протянув билеты, он отложил кроссворд и констатировал:

– Двое уже группа. Можно работать.

Видимо, с кроссвордом ему было скучновато и очень хотелось продемонстрировать кому-нибудь свои познания в области насилия и жестокости.

– Да мы, в общем-то, и сами посмотрим, – сказал Вадик.

– Поверьте, молодые люди, вы не пожалеете. – Он решительно вышел из-за стойки и зачем-то вытащил из кармана пиджака огромные плоскогубцы.

Экспозиция занимала всего три зала. В каждом своя эпоха. Реклама не врала, палачи и душегубы присутствовали во всей красе. Иван Грозный, Емелька Пугачев, Петр Великий, Генрих Восьмой... Разумеется, Джек, он же Потрошитель. Терминатор и Фредди Крюгер. Как живые.

В задачу экскурсовода входило объяснять, кто есть кто, хотя это и так было понятно из табличек. Но какова стоимость билета, такова и экскурсия. Знания не отличались глубиной. Фамилия, должность, количество жертв. Когда переместились во второй зал, выяснилось, зачем нужны плоскогубцы. В целях экономии электрической энергии, освещался только тот зал, где находилась публика, в остальных экскурсовод свет выключал. А выключатель в третьем зале барахлил, и без плоскогубцев его было не провернуть.

Когда лектор с придыханием докладывал о проделках украинского маньяка Чикатило, тоже отлитого в воске, на вахте зазвонил телефон. Пенсионер извинился и сказал, что скоро вернется. Уходя, по привычке вырубил свет плоскогубцами и захлопнул дверь зала на защелку. Наверно, чтобы экскурсанты не умыкнули какой-нибудь экспонат и дослушали лекцию.

Остаться в компании не самых приличных людей, да еще практически в темноте, испытание не для участников «Последнего героя». Свет пробивался лишь из небольшого круглого окошка под потолком. Восковые фигуры казались живыми людьми. Чикатило сверкал стеклянным глазом. Сейчас они начнут шевелиться, затем выставят руки вперед и, мерзко улыбаясь, пойдут на тебя, сжимая кольцо. Это же западня! Фильм ужасов! Как же они сразу не поняли! Дед сам маньяк! Будет записывать все на скрытую камеру и выкладывать в Интернете.

Они прижались друг к другу и отступили под окошко, на свет, упершись в странный экспонат, похожий на летающую тарелку, только без ножек.

– А это что? – шепотом спросила Лера.

– Холестериновая бляшка, – нагнувшись, прочитал Вадик на табличке, – масштаб один к десяти тысячам.

– Здесь же не медицинский музей.

– Она в некотором роде тоже убийца... Еще какая. Покруче остальных, хоть и маленькая.

– Да, это верно... А тебе здесь не страшно?

– Нет, – ответил Вадик, подавляя дрожь в голосе, – они ж мертвые. В смысле ненастоящие. Идиотизм какой-то. В старину маньяков хоронили в могилах без таблички, чтоб народ побыстрее про них забыл. А сейчас в музеях выставляют. Нас вот с тобой из воска не отольют.

– А я боюсь. Тебе не кажется, что они шевелятся? А зачем он нас запер?

– По привычке. Не бойся. Я с тобой.

Лера прижалась к нему, он автоматически обнял ее. Потом они несколько секунд смотрели друг другу в глаза и наконец слились в легкий поцелуй, перешедшем в тяжелый. Помог страх. Сам бы Вадик никогда не отважился на поцелуй. Ходил бы вокруг да около, рассказывая про бухгалтерский учет.

Когда смотритель зажег свет, он увидел еще одну восковую фигуру. Практически Роден.

– Молодые люди. Здесь музей все-таки, а не крематорий... Давайте продолжим. Вот Иван Грозный – великий русский реформатор. Так называемая опричнина, которой пугают детей, на самом деле не более, чем красивый миф. Да, людей вешали на березах, но не в таких безумных количествах, как сообщает статистика. За одну Варфоломеевскую ночь, к примеру, погибло в разы больше народа, чем от рук Иоанна Васильевича...

Вот так, в обществе душегубов и маньяков в жизни молодых людей случился первый, сопливый поцелуй...

Много соплей утекло с тех пор...

* * *

Ветер качнул занавеску, та зацепила цветок, палач весело помахал топором. Вадик закрыл глаза и попытался заснуть. Но не тут-то... Друг Никита помимо живота обладал еще одним достоинством – убивающим все живое храпом. И судя по стуку из соседней квартиры, радиус поражения был велик.

Стук внес коррективы, Никита убавил мощь, но добавил булькающих звуков. Примерно так же храпел Леркин отец. Даже через стенку было слышно. Три года приходилось терпеть эти концерты, пока молодая семья не перебралась в отдельную ипотечную двушку.

После свадьбы поселились у Лерки. Сериал «Счастливы с тестем». Жить у Вадика не позволял метраж. Двадцать квадратных метров, перегороженные шкафом. Да и свекровь с невесткой, по статистике, уживаются гораздо хуже, чем зять с тещей. Родители Лерки выделили молодоженам целую комнату с балконом и конфорку на плите. Тесть преподавал в военном училище, до этого отслужив в действующих частях и отсудив у министерства обороны полагающееся по закону жилье. Жилье, правда, дали в Нижнем Тагиле, но удалось поменяться на Питер, в качестве бонуса предложив комнату супруги. Узнав, что будущий муж единственной дочери не служил в армии по причине слабого здоровья, Иван Сергеевич, так звали тестя, чуть не до слез огорчился. Он был военным до мозга костей и жил в основном по уставу. И Лешку с малых лет воспитывал в духе любви к оружию. Первое, что купил внуку – макет автомата Калашникова, который клал в коляску вместо куклы. И конечно, не учил его бестолковым «агу» и «ага», а сразу мужскому «Равняйся! Смирно!». А когда внук встал на ноги, тут же началась строевая и огневая подготовка.

– Иван Сергеевич, ну зачем вы учите Лешу убивать людей? – вяло протестовал зять.

– Я учу его защищать Родину и быть мужиком! В отличие от батьки-уклониста, не нюхавшего пороха.

– Я не уклонист, меня не взяли.

– А что ты сделал, чтобы взяли? Настоять надо было! Хоть через суд! Отойди и не мешай. Лешенька, видишь фигурку? Целься чуть пониже сердечка... А теперь плавно жми пальчиком на волшебный крючок и попадешь дяденьке точно в голову... Ай, умница. Я из тебя сделаю человека...

Вообще-то, Вадик практически не конфликтовал с Леркиными предками. Теща была женщиной мудрой и гасила напряженность на корню. Она трудилась терапевтом в ведомственной поликлинике, и именно по ее настоянию единственная дочь поступила в медицинское училище. С перспективой закончить институт. Но быт поставил на перспективах могильный крест, и вместо института дочь училась в салоне «Фантазерка». Предки помогли и с ипотекой. Иван Сергеевич расконсервировал стратегические финансовые склады на сберкнижке и оплатил часть первичного взноса. На взносы уходила вся зарплата Вадика. Выплачивать оставалось еще девять лет. Плюс делать ремонт. А теперь, возможно, гораздо меньше. Если вернуть квартиру.

На два летних месяца тесть с тещей брали отпуск и уезжали в Новгородскую область, в деревню, где от отца Ивана Сергеевича остался дом. Туда же увозили Алешку, когда он научился уверенно маршировать и выполнять команды старших по званию и возрасту.

...Вадик даже близко не представлял, как сообщит тестю с тещей о случившейся бедо-трагедии. В принципе, он и не должен сообщать, пускай Лерка выкручивается. Но ему тоже что-то придется говорить. Ведь товарищ подполковник наверняка поинтересуется: «Чего ж ей не хватало? От хорошей жизни любовников не заводят. Значит, сам виноват, дорогой зятек». Разумеется, сам! Родители всегда занимают сторону детей. Лишь бы за наградным пистолетом не полез. Вручили Ивану Сергеевичу ствол за какой-то подвиг, совершенный в свободолюби-

вой Эфиопии, где он пребывал в качестве военного советника лет пятнадцать назад. Правда, за какой, Иван Сергеевич упорно скрывал. Как и стеснялся сказать, откуда на его секретной сберкнижке оказалась такая нереальная для военного человека сумма. Никаким бизнесом он не промышлял, оставаясь полностью государственным человеком и патриотом. А патриотам, как известно, больших денег не положено. Патриотизм – категория не материальная, если ты, конечно, не политик.

А кстати, действительно... Чего Лерке не хватало? Странно, Вадик только сейчас задал себе этот вопрос. Нет, правда? Чем этот культурист лучше законного мужа? Неужели постельным талантом? Это было бы самым худшим из вариантов. Если из-за подарков или по служебной надобности, не так обидно. Хотя какая в «Фантазерке» служебная надобность?

Неужели он надоел ей как мужчина?!

Нет, нет! Уходите прочь, поганые мысли!

Не уходят... Наверное, надоел.

Конечно, сейчас он уделял Лерке меньше внимания, чем в первые годы супружества. Цветы дарил только по формальным основаниям – день рождения и Восьмое марта, не встречал от метро, когда она поздно возвращалась из салона. Раньше-то как штык. Но чувства с годами притупляются, это установленный факт. К этому надо относиться с пониманием, без нервов. А деньги, потраченные на цветочки, гораздо разумнее вложить в ту же ипотеку или ремонт. Сколько можно жить в комнатах без обоев и дверей? Лерка с этим соглашалась и никаких претензий не предъявляла. Сама, кстати, чувствами не охладела. В прошлом году, например, когда ему прописали вырвать зуб, отпросилась с работы, чтобы сопровождать дрожащего от страха мужа в поликлинику. Настраивала на позитив и успокаивала. «Не бойся, это совсем не больно... Иногда корни зуба срываются между собой, тогда их не рвут, а выбивают специальным зубилом и молотком. Но я уверена – у тебя не сростись. Самое главное, чтобы сломанные корни не остались в лунке. Но я поколдую, чтобы не остались...» А после удаления проводила несчастного до дому и уложила в кровать отходить от наркоза.

В театры и музеи тоже давно не захаживали. Вадик считал, что лучше смеситель поставить, чем на Рембрандта бестолково тарашиться. Тем более живут в Питере, и Рембрандт никуда не убежит. Гастарбайтеров не нанимали – дорого. Все своими неумелыми руками. Ну и тесть, конечно, помогал, а не только учил Лешку строевому шагу и бегу в противогазе.

Может, она решила, что *он* изменяет ей? В последний месяц он действительно несколько раз задерживался на работе из-за этого чертового финансового кризиса. Народ бросился снимать деньги с карточек, от перегрузки банкоматы глючили, а претензии предъявлялись клерку Вадику. В большом количестве. Нашли, блин, стрелочника. Управляющий попросил поработать сверхурочно, пообещав премиальные. Неужели, Лерка не поверила, посчитав, что он погуливает? И в отместку пригласила культуриста...

Да, один раз он попил кофе с операционисткой. Но это было чисто дружеское кофепитие. К тому же она замужем. Да, угощал он, но что с того? Не часы же золотые подарил? Их видели многие сотрудники банка, но вряд ли кто-то донес Лерке. У Вадика не было врагов. И никто не претендовал на его карточный пост. Кстати, у самой супруги появлялись вещички странного происхождения. Новый мобильник, к примеру, подаренный якобы щедрым клиентом за хороший массаж. Не культурист ли случайно был этим клиентом? Уж больно вовремя телефончик появился. Сразу после ее дня рождения. Сам Вадик ограничился розочкой. Она же намекала на какие-то бусы. Но новый унитаз в тот момент был актуальней. Лерка же на его праздник подарила жидкокристаллический монитор для компьютера. Чтобы он не портил глаза на старом лучевом, играя в свои стратегии и шутеры. Любил он компьютерные развлечения, где все проблемы решались удачным нажатием клавиши.

Но в любом случае это ее не оправдывает. Факт остается фактом. Она изменила ему. Хладнокровно, можно сказать, цинично, прямо на супружеском ложе. И месть его будет страшна!

Вспомнив про мобильник, Вадик кое-как поднялся с тахты и дохромал до телефонного аппарата, стоявшего на полочке в коридоре. Он не будет с ней разговаривать. Просто позвонит и послушает, как она скажет «Алло». Даже по такому маленькому слову можно узнать настроение человека. При условии, что трубку снимет сам человек. А не какой-нибудь вонючий культурист.

Он набрал номер. Время, хоть и ночное, но Лерка вряд ли спит. Угадал, не спала. Судя по звуку, не просто сняла трубку, а схватила. Сразу после первого гудка, словно дежурила у аппарата.

– Алло!.. Слушаю!

Безразличия в голосе не было. Была тревога. Уже радовало. Значит, переживает. Еще б не переживать!

– Алло! Вадик, это ты?!

Нет, это служба по уходу за рогами по вызову. Он повесил трубку. Ладно, хорошо хоть дома, а не у культуриста. А может, культурист до сих пор у нее? Вернулся в комнату, на тахту. Палач опустил топор.

* * *

– Ты пластик проверил? Бабки перевели?

Это был первый вопрос, заданный Никитой Вадику, когда последний раскрыл глаз.

– Как я мог его проверить? Во сне, что ли? Вадик заснул лишь в пять утра. Сейчас ходики с висевшей на пружинке дохлой кукушкой показывали начало одиннадцатого.

– Ну, мало ли... С утра, например, сгонял к банко мату, как все нормальные люди.

Никита сбегал в санузел, затем на кухню. Вернулся с подносом, на котором стояла накрытая полотенцем кастрюлька и лежала пара бутербродов с сыром.

– Во, матушка позаботилась. Есть вещи, которые не купить за деньги... Какая жена на такое способна? Пустое множество. Погоди, сейчас тарелки принесу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.